

Автор - Сергей Герасимов, Харьков (Украина).

Пока что

Солнце дробится в лужах.
Лапочка в сапожонках
в стороны тянет руки,
ступая по синеве.
А мама читает ленту,
будто Розеттский камень,
стоя под старой грушей,
мерцая в тени ветвей.
Соседка, Тамара Львовна,
выглядывает в окошко.
Она еще помнит маму,
скакавшую в детский сад.
Пусть мама глядится в бездну,
и бездна пугает маму,
но солнце все в тех же лужах
что двадцать шесть лет назад.

А в мире-то пандемии,
там стонут козявки-люди,
там мамки рожают хворост
для топки чужой войны, –
соседка помнит, как мама,
в сиреневых сапожонках,
дотопала в этой луже
до самой до глубины.
Мама держала руки,
как самолетик – крылья.
Ведь небо что в луже – ближе,
но солнечней и страшней...
А в мире-то диктатуры,
дымит цифровой концлагерь,
и псевдоразум множит
нейронный надзор сетей,
поймали бозонов Хигса,
по три миллиарда штука...
А все-таки, если топнуть –
то станет смешно до слез!
Здесь, во дворе, – пока что,
эпоха не дышит кровью,
и уроборос детства
все ловит себя за хвост.

Человек-перекати-поле

Ветер
несет человека-перекати-поле
через мокрый ночной город,
вдоль мостов,
поперек улиц.
Ветер затихает,
человек останавливается.
Редкие окна многоэтажки
плывут над ним, будто квадратные НЛО.
И он думает, вглядываясь во тьму,
Кто я?
Зачем я?
Как случилось, что я здесь?

И вдруг,
последний удар уплывающей грозы
отключает электричество.
Длятся секунды космической тьмы –
лишь над самым горизонтом

желтые бобовые стебли нервно и немо
ощупывают облачный замок великана,
пытаясь найти тайный вход в него,
а кто-то большой с фонарем
освещает изнутри комнату за комнатой,
пытаясь найти выход.

И ветер,
ветер гонит табун крылатых коней.

И затем,
из ниоткуда
возникают люди, люди.
Их так много;
достав мобильники,
они все, как один, светят вниз,
чтобы увидеть лужи под ногами.
Но человек замечает: они не совсем люди.

Они медузы:
в темноте ходят лишь ноги
без туловищ и голов,
каждая пара в голубоватом шевелистом полукуполе света
плывет, отражаясь в лужах.
Целое поле ног –
светящиеся медузы в глубине.
И дрожащий пепел звезд над ними сияет чернотой,
будто поверхность ночного моря.

И вдруг он понимает, кто он,
зачем он,
как случилось, что он здесь.
Он понимает:
все беды – от невнимательности.
Нужно быть очень невнимательным,
чтобы не заметить Бога,
и потом говорить,
что его нет.

Снизу вверх

Поэт имеет право пить,
имеет право быть негодяем,
имеет право фальшивить или писать чушь,
когда концентрированная кислота смысла
окончательно разъедает форму,
имеет право умереть молодым.
Но не имеет права хвалить власть.

Поэт всегда против,
даже если власть прекрасна, добра и светла,
как бестеневая лампа в три миллиона свечей.
Он всегда одинок –
всегда одна свеча,
и, чем ярче лампа, тем незаметнее его свет.
Лампа сияет сверху вниз,
свеча – снизу вверх
и этого не преодолеть,
не победить,
не сгладить, не скрыть.
И даже,
если с каждым днем он видит все больше черных мальчиков смерти –
они выходят из-за каждого угла;
он смотрится в зеркало, и они выглядывают у него из-за спины;
слушает шум дождя – и слышит их утробный вой,
он все равно свеча, и все равно снизу вверх,
потому что по-другому не может.
А если поэт вдруг согласен с властью,
даже если власть прекрасна
божественна, добра и светла, – то он больше не свеча
а еще одна хрустальная подвеска к лампе.
Что есть поэзия? – всего лишь змей-трава,
нанюхавшись которой,
ты вроде бы счастлив,
что отдал жизнь за пригоршню хороших строк,
но за каждой свечой – миллионлетья
лучин, костров, пожаров,
долгих взглядов в темноту.
а за лампой нет ничего –
только выключатель,
которым рано или поздно кто-нибудь щелкнет.

Конкурсная подборка 114. «Снизу вверх»;

Автор: Оргкомитет
02.04.2020 04:00
